

Балканизация, американизация или европеизация: что происходит с политическими элитами и электоральными процессами в странах Юго-Восточной Европы?

Екатерина Геннадьевна Энтина, НИУ ВШЭ, Институт Европы РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: e.entina@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Политическое развитие государств Юго-Восточной Европы после распада биполярной системы международных отношений в академической литературе чаще всего рассматривается как производное от процессов в западной части континента. После старта европейского интеграционного проекта на Балканы справедливость такого подхода стала казаться еще более очевидной. Вместе с тем такой подход минимизирует как влияние внутренних факторов, в том числе социально-политического и ценностного характера, так и ту роль, которую играет быстро меняющаяся международная экономическая, политическая и правовая среда. В настоящей статье внутренние политические процессы на Балканах рассматриваются через призму системных последствий крушения социалистического мира, до сих пор оказывающих важное влияние на развитие региона. Кроме того, дается оценка тому, как общие для ЕС факторы преломляются в балканской среде. Делается вывод о том, что, вопреки очевидной общности и взаимосвязи европейских политических процессов во всех субрегионах, для Балкан традиционные объяснения через феномены балканизации, американизации и европеизации не являются исчерпывающими. Так же, как и Европа в целом, регион переживает процесс перерождения традиционных представлений о партийно-политических системах и электоральном поведении. Однако именно на Балканах наиболее отчетливо проявляется ожидание социумом появления лидеров и партий нового типа в силу нарастающего разочарования, а в отдельных республиках – и кризиса доверия между властью и обществом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

партийно-политические системы, электоральные циклы, выборы, балканизация, европеизация, политические элиты

В течение всего периода после распада биполярной системы международных отношений на политические процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, представлявших собой осколки социалистического мира, было принято смотреть через призму посткоммунизма, демократизации, партийно-политического транзита и связанных с ними вызовов и проблем¹. Факторов, влиявших на развитие этой части Европы, конечно же, намного больше. Однако именно нарративы о незрелости политических элит, проблемах демократического становления, исключительной для этой части континента институциональной неэффективности доминировали и отчасти продолжают доминировать как в зарубежных, так и в российских исторической и политической науках². На наш взгляд, весьма ошибочно, поскольку они представляют лишь одно из измерений процессов, протекающих в данном регионе. В этой статье из множества мы рассмотрим несколько важнейших системных последствий крушения биполярного миропорядка для складывания партийно-политических систем в странах Юго-Восточной Европы, которые актуальны и сегодня.

Безусловно, окончание холодной войны, отказ от социалистической идеи и ее обличение как несостоявшейся на практике до сих пор сказываются на состоянии и качестве политических элит в Европе в целом. Отсутствие идеологической соревновательности, альтернативных программ стратегического развития западной части европейского континента привело к тому, что противостояние больших идей, выражаемых в том числе политическими партиями, было замещено претензиями отдельных активистов³, конкуренцией личных интересов, способов самовыражения на низовом уровне. Это, в свою очередь, стимулировало рост числа мелких политических движений самой разной направленности, формирующих иллюзию политического выбора, и, как справедливо указывается в отечественных исследованиях, размывало традиционную для Западной Европы дихотомию «левых» и «правых» сил⁴. Для стран же Юго-Восточной Европы, где традиции двухпартийности сформироваться не успели, это привело к еще большей атомизации политического пространства.

Помимо этого, образование устойчивых групп интересов в обществе стало чрезвычайно сложным в силу индивидуализации публичного и информационного пространства⁵. Политические элиты и западной, и восточной частей Европы оказались вынуждены постоянно проявлять гибкость, чтобы удерживать общий объем электоральной базы, а для этого неизбежно поступаться принципами и идеалами.

На этом фоне технократическая компонента⁶ политического процесса оказалась для европейских политических элит основной и наиболее безопасной (обеспечивающей самовоспроизводство и самосохранение). Таким образом,

1 См., например: Featherstone, Radaelli 2003; Bechev, Andreev 2004; Власть – общество – реформы ... 2006; Mainwaring, Zoso 2007; Glaurdić 2011; Bieber, Ristić 2012; Кандель 2017; Кандель 2018; Очерки политической истории ... 2020; Трансформационные революции ... 2021 и др.

2 См., например: Котта 2012; Electoral systems ... 2021; Laštro, Bieber 2023; Кандель 2024а и др.

3 Подробнее см.: Давыдов 2025.

4 Орлов 2022.

5 Каспэ 2024.

6 «Технократическая» понимается как связанная с процессом государственного управления, построенного на формальных показателях прогресса, как правило, закладываемых в стратегиях и дорожных картах. В соответствии с этим все однокоренные термины в настоящей статье – производное от указанной выше трактовки.

технократизм европейских политических элит – прежде всего результат невосприимчивости обществом «коллективных и больших идей» социальной направленности. Может быть, спорные, но яркие примеры последнего демонстрируют неуклюжие попытки Э. Макрона мобилизовать французское общество в опоре на великодержавные амбиции, гипертрофированные усилия германского истеблишмента с целью поставить во главу угла внешней политики ЕС ценностное противостояние с Россией, в целом положение «правых» в ЕС – от Греции до Италии, – которые, приходя к власти, неизбежно вынуждены сдвигаться к партиям «центра». Частично именно распространением технократического восприятия политического процесса можно объяснить рост популизма в Европе как его естественного союзника.

Балканские политические элиты, находящиеся вне общего пространства ЕС, также это последствие испытывают. Однако, в отличие от Западной Европы, запрос общества на конкретные перемены и решение застаревших вопросов здесь неизмеримо сильнее. Один из примеров – не прекращающиеся с ноября 2024 г. массовые протесты в Белграде; до этого в Черногории массовые митинги 2019–2020 гг. привели к смене так называемого режима М. Джукановича. Подобные явления характерны и для Албании, и для Северной Македонии. Не в последнюю очередь это происходит в результате того, что трансформации постбиполярного периода здесь не привели к кардинальному обновлению политических элит, что спустя три десятилетия явственно обществами осознается. Об этом феномене пишут применительно и ко всему региону Центральной и Восточной Европы¹.

Другим последствием крушения социалистического мира стала в той или иной степени повсеместная американизация политических элит и управленческих кругов. Под этим понятием вслед за Н. Руткевич мы подразумеваем, что «ментальная экосистема» современных европейских элит создана по американским стандартам². В свою очередь, в Юго-Восточной Европе все последние десятилетия политические элиты находились под влиянием не только американизации, но и процесса европеизации – конструирования «сверху» европейской идентичности национальных политических элит через инструменты экономического, финансового регулирования³. Это – как раз результат сознательного отказа России от так называемого вмешательства во внутренние дела других государств, когда США и ЕС в условиях отсутствия конкуренции продолжили проводить систематическую работу по возвращению молодежи с активной гражданской позицией и ее интеграции в национальный управленческий аппарат. В этом смысле сложно отрицать, что современные балканские политические элиты – продукт системной политики и неотъемлемая часть общей «команды» западных реформаторов. Однако важно и то, что американизация и европеизация политических элит как стратегия не подразумевала возникновения субрегиональных группировок по интересам, которые тем не менее появились в процессе партийно-политической трансформации в ЕС последнего десятилетия

1 Смирнов, Сутырин 2011.

2 Руткевич, Н. Американизация Старого Света и феномен «устойчивой деградации элит» // Россия в глобальной политике. 19.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/4sdc3ms> (дата обращения: 24.11.2025). Подробнее об американизации политических элит ЕС см.: Руткевич 2024.

3 Подробнее об этом см.: Семененко, Прохоренко 2015.

и распространились на страны Юго-Восточной Европы через особые отношения Венгрии и Словакии с Сербией, Германии – с Хорватией, Швейцарии и Австрии – с Албанией и косовской политией. Это вносит свои коррективы в политический процесс на Балканах во всех без исключения государствах.

Еще одним существенным фактором стала постоянная угроза нового масштабного конфликта в Европе, регулярно звучащая в риторике политических лидеров ЕС и его государств-членов. В отличие от национальных и наднациональных политиков ЕС, все без исключения элиты балканских государств хорошо знают отличия реальной войны от виртуальной. У власти во всех странах бывшей Югославии, составляющей ядро Юго-Восточной Европы, находятся люди, пережившие войну подростками либо и вовсе бывшие ее участниками. Это вносит свои, пусть и не критически значимые акценты в процесс встраивания постъюгославских политических элит в единое европейское пространство, в том числе в принятие ими происходящей в Брюсселе военизации политического мышления. Между тем подобные различия приводят к тому, что в экспертных и политических кругах ЕС происходящее с местными политическими элитами, особенно сербскими, ошибочно связывают с их «балканизацией», т.е. неспособностью к поступательному, демократическому развитию.

Наконец, окончание холодной войны, которое для Югославии вылилось в череду гражданских войн, санкций в отношении нескольких ее прежних частей и бомбардировки Белграда 1999 г., в экономическом смысле серьезно затронуло всю Юго-Восточную Европу. Если в случае с Югославией был разрушен единый хозяйственный комплекс, затем подвергнута санкциям экономика и, наконец, уничтожена часть критической инфраструктуры и промышленного сектора, то для других государств – Болгарии, Румынии, Молдавии – распад социалистического блока поставил на повестку дня вопрос о новой экономической интеграции и поиске своего места в региональной и мировой экономике. Можно с уверенностью констатировать, что ни одна из стран Юго-Восточной Европы, кроме Словении, последствия распада прежней экономической системы до сих пор не преодолела. В свою очередь, состояние реального сектора экономики неизбежно влияет на постановку стратегических задач и целей национального развития в каждом из государств региона и, как следствие, амбиции их политических лидеров.

Представляется, что именно разнонаправленность социальных, политических и экономических запросов и является основным фактором, определяющим современное состояние как политических элит, так и электорального поля в Юго-Восточной Европе. Традиционно же приписываемая как зарубежными, так и российскими исследователями неопытность, свойственная балканским политикам, – скорее выгодный миф, чем реальность. Распространение и укоренение данного мифа прежде всего необходимо ЕС как актору, воспринимающему данное пространство в качестве своей монополярной зоны влияния.

Не вдаваясь в тонкости полемики в академических и экспертных кругах относительно настоящего и будущего Европейского союза, стоит вместе с тем констатировать, что в практической политике по целому ряду параметров объединение действует внутри и по периметру своих границ как империя, пусть и постмодернистская. Во-первых, до настоящего момента ЕС удавалось контролировать политическое, экономическое и правовое единство входящих в него

территорий, имеющих для внешних акторов статус независимых суверенных государств. Это демонстрируют примеры Италии, Венгрии, Словакии, до этого – Чехии и Польши. Подавление внутренней фронды является для него экзистенциальным вызовом. Во-вторых, ЕС во главу угла своей жизнедеятельности ставит минимизацию внешнего влияния на процессы, протекающие внутри объединения. Так, например, государствам-членам запрещено обращаться к международным механизмам разрешения споров, связанным с применением и толкованием нормы права ЕС. В-третьих, Европейский союз придает первостепенное значение безопасности всего периметра внешних границ, построенной в первую очередь на лояльных и разделяющих курс объединения политических элитах. В-четвертых, ЕС претендует на мессианство и добивается насаждения в странах, вовлекаемых в сферу влияния, своей модели развития, жизненных правил, ценностей и политических традиций. В соглашения об ассоциации, партнерстве и углубленном сотрудничестве, свободной торговле и т.д., как известно, включены положения о рецепции внутреннего права ЕС и приведении национального законодательства и правоприменения в соответствие с *acquis communautaire*.

Для государств Юго-Восточной Европы, не входящих в ЕС, географическая близость с объединением, действующим в практической политике как империя, и нахождение в сфере его влияния имеют колоссальное значение. Они не могут не накладывать отпечаток на самоидентификацию проживающих здесь народов. Это проявляется двояким образом. С одной стороны, оказавшись под прессом неизмеримо более могущественного образования, политические элиты и народы Балкан вынуждены впитывать в себя его политические, правовые и социокультурные стандарты жизни и поведения. С другой – находясь в орбите империи, балканские государства не могут не повторять в определенной степени те политические процессы, которые протекают в ЕС. К их числу в социально-политической плоскости, в частности, относятся: глубокая стратификация общества, при которой неотвратимо происходит фрагментация партийно-политической системы; множественность акторов, стремящихся выразить интересы различных страт; волатильность предпочтений избирателей; превращение политической нестабильности из чего-то чрезвычайного в повседневность.

Именно поэтому фактор ЕС остается центральным в развитии внутривнутриполитических, в частности электоральных, процессов в Юго-Восточной Европе. Однако проявляется он несколько иначе, чем в предыдущие десятилетия. Прежде всего, сама суть «европейской интеграции» в региональном понимании претерпела изменения. Если раньше балканские политические элиты делали ставку на полноправное членство в ЕС, то сегодня доминирующим элементом в их восприятии евроинтеграции становится включение в большие экономические задачи и проекты объединения, а также комплексное развитие единой с ним транспортно-логистической инфраструктуры. Неуверенность в том, что в горизонте политических циклов действующих политиков хоть одно из государств региона станет полноценным членом ЕС, привела к тому, что приоритетом становится широкая экономическая интеграция с ЕС, которая, по сути, не должна препятствовать развитию связей с другими международными акторами. Подобная перестановка приоритетов на деле пока никак не сказывается на стремлении обрести членство как стратегической цели внешней политики, но допускает активное исполь-

зование гораздо более широкой, чем прежде, трактовки понятия «национальный интерес» в политических установках и на международных площадках. Если под «национальным интересом» в самом широком смысле понимать интересы выживания (самосохранения) и развития (совершенствования)¹, то все государства Юго-Восточной Европы в той или иной мере на практике отошли от тождественного восприятия евроинтеграции и национального интереса. Это, в свою очередь, объясняет парадокс соседства критики ЕС в риторике большинства политических лидеров на Балканах с продолжением курса на евроинтеграцию.

Примат «экономического» vs примат «ценностного» в трактовке национального интереса у политических элит Балкан и у их электората

Для методологически выверенного рассмотрения того, как перечисленные последствия распада биполярного миропорядка отражаются в партийно-политическом строительстве стран Балканского региона, необходимо сузить исследовательское поле статьи до государств Юго-Восточной Европы, не входящих в ЕС. Можно оговориться, что само явление характерно и для Болгарии, Румынии, Хорватии, но там его объяснение сильно усложняется многослойностью процессов, происходящих внутри самого Европейского союза. Таким образом, мы рассматриваем партийно-политические и электоральные процессы и их природу последних лет в Сербии, Боснии и Герцеговине, Албании, Черногории, Северной Македонии и т.н. Республике Косово².

Примат «экономического» в понимании национального интереса среди политических элит характерен для всех указанных выше государств. В случае Сербии речь идет главным образом о попытке вернуть значимое место в региональной и европейской экономике. В практическом плане она отражается в концепции «четырех столпов» сербской внешней политики, под которыми подразумеваются ЕС, США, Россия и Китай. Ее реализации способствовало медленное оживление т.н. мирового большинства, среди которого немало государств, с которыми социалистический Белград имел привилегированные связи в рамках «движения неприсоединения», не растерянные и после распада Югославии. Кроме того, несмотря на экономический коллапс 1990-х гг. и разрушение значительной части критической инфраструктуры бомбардировками 1999 г., за последние два десятилетия Сербии удалось восстановить национальную часть реального сектора экономики: ее доля в общих экономических показателях республики составляет около 60 %³. Однако дальнейший рост, в том числе инвестиционной привлекательности Сербии, сложно обеспечивать без модернизации транспортно-логистической инфраструктуры, создания цепочек добавленной стоимости совместно с другими странами региона, а также улучшения логистических условий для торговли и транзита. Последнее позволит извлечь больше выгоды из географического положения республики, через

1 Паньшина, Уфимцева 2016

2 В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

3 Энтина et al. 2024.

которую проходят транс- и панъевропейские транспортные коридоры. Таким образом, политические элиты Сербии видят реализацию национального интереса в первую очередь не в решении сложных этнотерриториальных вопросов, а в достижении принципиально иного статуса экономического актора. Эту задачу удавалось реализовывать, в том числе за счет компромиссов по важным национальным вопросам (прежде всего, по Косово и Метохии), до 2022 года. Однако, когда конфронтация между Россией и Западом усилилась, пространство для политического, а вместе с ним и внешнеэкономического маневра резко сузилось, что привело к растерянности в правящих кругах.

Этот же комплекс обстоятельств привел сербские политические элиты к необходимости поиска новых сильных субрегиональных экономических партнеров. Таким выступила Венгрия – член ЕС и НАТО и одновременно государство, активно сотрудничающее с Россией и Китаем. Под эгидой Будапешта как субрегионального интегратора удалось собрать «клуб рационально мыслящих европейцев» в составе правящих элит Сербии, Республики Сербской, а с 2024 г. подключить и вновь пришедшую к власти ВМРО – ДПМНЕ в Северной Македонии. К этой группе условно примыкает и Словакия. Таким образом, географически формируется пространство, потенциально дающее новые возможности государствам, не имеющим выхода к морю, особенно с учетом диверсификации их торговых партнеров: значимость пространства усиливается по мере углубления субрегиональной транспортно-логистической связанности. Однако она может быть легко нивелирована за счет антагонизации отношений по линии «сербы – албанцы», поскольку именно Албания обеспечивает выход к Адриатическому морю. Это – одно из рациональных объяснений фактически компромиссной позиции Белграда в переговорах с Приштиной по косовскому вопросу, поступательного развития отношений между Сербией и Албанией, а также партнерского формата отношений между правящей ВМРО – ДПМНЕ и коалицией проалбанских партий в Македонии. Этим объясняется и определенное политическое затишье в Албании, которая может оказаться ключевым звеном в повышении связанности данного геоэкономического пространства. Последнее отвечает политическим интересам элит и в Северной Македонии, и в Республике Сербской. Первой оно дает возможность создать собственные точки экономического роста, второй – сохранить свой статус, а при хорошем стечении обстоятельств «замкнуть» эффективность общего государства Боснии и Герцеговины на себя.

Принципиально важно, что «самостоятельная игра» государств Центральной и Юго-Восточной Европы не является противопоставлением европейской и евроатлантической интеграции, попыткой «оторваться» от системного сотрудничества с США и ЕС, и не предполагает уход «под крыло» России или Китая. Как и в прежние периоды истории, она рассчитана на повышение собственного статуса в более масштабной геополитической игре и расширение возможностей для торга на международной арене.

Вместе с тем рациональная экономическая логика политических элит Сербии, Албании, Северной Македонии, частично Боснии и Герцеговины (где сложно говорить о существовании неких стратегических целей на уровне всего государства) наталкивается на рост традиционных национально-патриотических настроений среди населения. Его катализатором послужили те же обстоятельства:

изменения в международной среде, геополитическая конфронтация, противоречия внутри ЕС и отсутствие экономической отдачи от ориентации только или преимущественно на страны Запада.

Существенным дополнением стало использование понятия «национальный интерес» в риторике самих политических элит. Так, например, предыдущий президент Македонии С. Пендаровски видел его в формировании круга «внешних патронов», прежде всего США и ЕС, без которых невозможно неизолированное развитие страны¹. В риторике сербского президента А. Вучича национальный интерес, как правило, объясняется на примерах экономического развития². Однако для населения «национальный интерес» в первую очередь олицетворяет решение национального вопроса – сербского, албанского, македонского, т.е. национальный интерес имеет преимущественно ценностное измерение, а национализм вкупе с популизмом по-прежнему работоспособны³. И только при учете национального вопроса население готово поддержать программы, направленные на повышение стандарта жизни. Косвенным доказательством подобного является устойчивый, по результатам проводимых социологических исследований, отказ сербского общества вступать в ЕС ценой признания независимости Косово (76 % «против», 12 % – «за»⁴), этнических македонцев – идти на компромисс с болгарями (9 % – «за»⁵).

Таким образом, политические элиты и население балканских стран истолковывают понятия «национальные интересы» и «суверенитет» по-разному. В отсутствие единого видения прогресс, к которому должны стремиться элиты, превращается в своего рода политический прогрессизм⁶, то есть (в балканском случае) стремление во что бы то ни стало обосновать любую реальность как успех. Представляется, что это как раз и является основным выражением описанных в первой части исследования последствий распада биполярного мира для партийных и политических элит государств Юго-Восточной Европы. Разберем, как оно проявлялось в течение последних лет в рамках отдельных стран региона.

Политические элиты и электоральные процессы

Перечисленные выше обстоятельства стали одной из причин осязаемого кризиса доверия между властью и электоратом в **Сербии** последних лет. Основной формой взаимодействия с электоратом со второй половины 2010-х гг. было допущение протестной активности (как санкционированных митингов, так и стихийных), организация внеочередных выборов любого уровня по первому

1 Александар Бачиќ, "Пендаровски, Македонските национални интереси се бранат само со пријатели, а не со политика што води кон изолација (Pendarovski: 'Macedonian National Interests Are Defended Only with Friends, Not with Politics That Lead to Isolation')," МИА, April 7, 2024, accessed September 7, 2025, <https://tinyurl.com/cm23cmp2>.

2 См., например: "Vučić: Vodimo spoljnu politiku samo u srpskom interesu (Vučić: 'We Conduct Foreign Policy Only in the Serbian Interest')," Radio i TV Vojvodine, August 10, 2023, accessed September 7, 2025, https://www.rtv.rs/sr_lat/politika/vucic-vodimo-spoljnu-politiku-samo-u-srpskom-interesu_1467073.html.

3 Кандель 2024б.

4 "Истраживања јавног мњења. Србија, фебруар 2024 – спољнополитичке оријентације, партнерства и лидери (Public Opinion Research. Serbia, February 2024 – Foreign Policy Orientations, Partnerships, and Leaders)," Нова српска политичка мисао, March 20, 2024, accessed September 7, 2025, <https://tinyurl.com/bdcr549r>.

5 Анамарија Велиновска и Ана Софеска, "ЕУ интеграцијата во 2024: Од европски сон до македонска реалност (EU Integration in 2024: From a European Dream to Macedonian Reality)," Анализа на јавното мислење бр. 2/2025, February, 2025, accessed September 7, 2025, <https://tinyurl.com/kyu2dzmc>.

6 Термин «политический прогрессизм» взят у: Давыдов 2025.

требованию. Во многом это было возможно в силу двух обстоятельств. Во-первых, до последнего времени позиции правящей Сербской прогрессивной партии (СПП) были крепки за пределами крупнейших городов. В Белграде и Нови-саде СПП вместе с коалиционными партнерами ненамного, но также перевешивала оппозицию. Во-вторых, А. Вучичу за счет различных управленческих механизмов, прежде всего распределения министерских портфелей и властных рычагов, удавалось контролировать амбиции оппозиции – как правого, так и левого крыла – в ручном режиме. Таким образом, и правящая коалиция, и парламентская оппозиция словесно были оппонентами в парламенте, на деле же разница между ними и их программами для избирателя становилась все менее и менее отчетливой.

Однако в последние годы кризисные явления в СПП начали проявляться более ярко. Во многом они связаны с ее огромным для небольшой страны размером: в СПП состоит более 700 тыс. человек (на чуть более 6,5 млн населения)¹. Другой причиной, безусловно, стало то, что успешная прежде внешняя политика балансирования в условиях почти открытого конфликта Запада с Россией, а также Китаем, перестала быть столь же состоятельной и понятной избирателю. Стремление реформировать партию, которое А. Вучич неоднократно выражал с 2021 г.², до сих пор остается не более чем словесной эквилибристикой: реальным шагам мешают боязнь потерять существенную часть электоральной базы, а также противоречия между кланами внутри СПП.

23 марта 2025 г. А. Вучич объявил о создании Движения за народ и страну³. Станет ли оно успешным, зависит от ряда обстоятельств. Вместе с тем представляется, что обновление партии прогрессистов через ее раскол на Движение за народ и страну и какой-то остаток / остатки, борьба за электорат неизбежно выведут на авансцену новые политические фигуры, которые, с учетом объективно большого социального недовольства президентом, вероятнее всего, оттеснят и самого А. Вучича в разряд политиков, возглавляющих крупную, но не доминирующую партию.

Резюмируя, можно говорить о том, что в краткосрочном периоде Сербии ожидает появление целой волны новых лиц на политической арене. Это коснется не только правящей коалиции, но и прозападной оппозиции, присутствующей в парламенте. Ее легитимность также подорвана. Об этом свидетельствует то, что никто из протестующих сегодня в Сербии (даже прозападное ядро, финансируемое из соответствующих средств) не допускает мысли о том, что эти политические фигуры могут стать движущей силой протестов. Реалистичный вариант развития событий – черногорский, то есть приведение к власти новых, прежде никому не известных технократов, использующих в ходе предвыборной кампании национально-патриотические лозунги, обещания отстаивать нацио-

- 1 "Nova četiri stuba SNS vlasti bez kojih Vučić ne može da vlada (The New Four Pillars of SNS Rule Without Which Vučić Can't Govern)," N1, May 20, 2024, accessed August 5, 2025, <https://tinyurl.com/y24ksr9h>.
- 2 Uroš Matejić, "Intervju predsednika Srbije iz Mađarske: Značajne promene u SNS, 50 odsto članova Glavnog odbora biće novi ljudi (Interview of the President of Serbia from Hungary: Significant Changes in SNS, 50 Percent of the Members of the Main Board Will Be New People)," Srbija danas, September 22, 2021, accessed August 5, 2025, <https://tinyurl.com/yypa93z98>.
- 3 "Započeli smo veliki posao: Održan prvi sastanak inicijativnog odbora pokreta kojeg je Vučić najavio: 'Danas se iscrtavaju konture i put ka dobroj i sigurnoj budućnosti naše Srbije' (We Have Started a Big Project: The First Meeting of the Initiative Committee of the Movement Announced by Vučić Was Held: Today the Outlines and the Path to a Good and Secure Future for Our Serbia Are Being Drawn)," BLIC, March 23, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/3cf459vy>.

нальные интересы в диалоге с Европейским союзом о вступлении, а также проводить системную антикоррупционную политику. Вероятнее всего, вопреки евро-скептическим настроениям большинства населения и протестующих, главным бенефициаром данного процесса станет ЕС, что в краткосрочной перспективе может только углубить недоверие между обществом и властью.

Не менее сложно, хоть и, на первый взгляд, существенно спокойнее, чем в Сербии, развивается внутривнутриполитическая ситуация в **Черногории**. Фактически здесь ЕС был опробован сценарий «управляемой» смены политических элит на волне народных настроений. В 2020 г. находившаяся у власти три десятилетия Демократическая партия социалистов (ДПС) М. Джукановича, как и он сам, были отстранены от управления государством. Их сменило новое поколение технократов, ориентированных проевропейски, но не антисербски (что было характерно для части черногорского политического истеблишмента в предшествующий период). Они провели в жизнь набор решений, призванных «замирить» все черногорское общество. Центральным было подписание Базового соглашения с Сербской православной церковью, урегулировавшее вопрос ее собственности¹.

Первоначально созданное «экспертное» правительство В. Кривокапича снизило уровень неприятия в отношении ДПС М. Джукановича. «Точечный» характер дел, инициированных в отношении ее членов, гарантии безопасности, данные М. Джукановичу, а наравне с этим отсутствие экономических и внешнеполитических успехов двух последующих правительств – Д. Абазовича и М. Спаича – постепенно возвращают ДПС электоральный ресурс как одной из крупных и наиболее устойчивых партий черногорского политического ландшафта². Это, безусловно, не означает возвращения М. Джукановича – позиции молодых технократов разного этнического происхождения в Черногории будут только усиливаться, – однако «цементирует» курс на укрепление самостоятельных (несербских) основ черногорской государственности и окончательное оформление ее адриатико-средиземноморской идентичности³. Таким образом, в среднесрочной перспективе будет реализована стратегия на закрепление Черногории как мало-го приморского государства ЕС, не склонного к глубокой кооперации со своим «прародителем» Сербией, ограниченного в свободе маневра «албанским вопросом» и в силу этого последовательно проводящего политику ЕС и НАТО.

Представляется, что за последние 20 лет политическими элитами была сформирована и готовность избирателей к такому сценарию развития. Одновременно с этим доминирующей характеристикой электорального поля в Черногории является апатия: согласно социологическому опросу, проведенному в текущем году, наибольшие симпатии вызывает действующий премьер-министр М. Спаич, однако его поддерживают всего 10 % респондентов, 33 % не доверяют никому,

1 Борцев, К. Правительство Черногории утвердило Базовый договор с СПЦ // Балканист. 9 июля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/m3ектмнх3> (дата обращения: 05.09.2025).

2 "Analitičar Đukić za Insajder o lokalnim izborima u Crnoj Gori: Moguće i novo glasanje u Podgorici (Analyst Đukić for Insajder on Local Elections in Montenegro: A New Vote in Podgorica Is Also Possible)," Insajder, September 30, 2024, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/bdwcr79f>.

3 Энтина, Е.Г., Пивоваренко, А.А., Новакович, Д. Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 28 сентября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/21567/> (дата обращения: 05.09.2025). С. 6.

16 % не знают, кому можно верить¹. Косвенным подтверждением этому является то, что черногорское общество перестало использовать инструменты гражданской мобилизации, которые активно задействовало пять лет назад. Это – основа для дальнейшего закрепления технократов у власти и, так же как в Сербии, размежевания между обществом и властью.

В неразделимое пространство с точки зрения оценки внутривнутриполитических процессов постепенно превращаются **Северная Македония, Албания** и самопровозглашенное **Косово**. Прошедшие в 2024 г. президентские и парламентские выборы в Северной Македонии вернули всю полноту власти ВМРО – ДПМНЕ². Премьер-министром стал ее лидер Х. Мицкоски, а президентом – Г. Силяновска-Давкова. Примечательны шаги Х. Мицкоски как минимум по двум направлениям: обеспечение внутренней устойчивости власти и кооперация с албанцами, в том числе и в более широком контексте сербо-албанских отношений. Так, ВМРО – ДПМНЕ построила свою предвыборную кампанию на обличении конкурентов в коррупции, в том числе эта тактика была использована и в отношении одной из албанских коалиций – «Европейский фронт» во главе с Демократическим союзом за интеграцию (ДСИ) А. Ахмети. ВМРО – ДПМНЕ предпочла сформировать коалицию с другими представителями албанского меньшинства – ВЛЕН (БЕСА (Б. Касами), Альтернатива (А. Гаши) и Демократическое движение (И. Меджити)), которая в своей предвыборной программе ориентировалась на албанскую молодежь и социально-экономическое развитие Македонии. Пост вице-премьера по вопросам международного взаимодействия впервые в истории республики занял не албанец, а этнический серб, близкий Белграду, – И. Стоилкович.

Как представляется, таким образом в среднесрочной перспективе в Македонии формируется баланс между сербскими и албанскими интересами. Премьер-министр Албании Э. Рама, поддерживающий ДСИ и постепенную европейскую интеграцию Македонии, в результате утрачивает влияние (возможно, временно) на македонскую политику. В свою очередь, ставка на албанскую молодежь – традиционная стратегия приштинского политика А. Курти. Именно Косово, а не Албания оказывает политическую поддержку коалиции ВЛЕН. С некоторой осторожностью можно говорить о том, что в целом близкая СПП А. Вучича ВМРО – ДПМНЕ осуществила обмен, который предполагает конструктивное сближение между Северной Македонией и Сербией за счет корректного отношения к «сербскому вопросу» в обмен на кооперацию с более политически активным и амбициозным истеблишментом Косово вместо правящей элиты Албании. Устойчивость подобной стратегической конструкции обеспечивается широкой кооптацией союзников по коалиции в систему управления государством: Х. Мицкоски расширил численность кабинета министров до 24 человек, создал 5 постов вице-премьера, что обеспечивает последовательное коалиционное большинство в парламенте.

1 “Crna Gora: Polovina anketiranih građana nikome ne veruje, pokazalo istraživanje IPSOS-a (Montenegro: Half of the Surveyed Citizens Trust No One, IPSOS Research Shows),” Tanjug, July 30, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/2s9a3zt6>.
2 “Ubedljiva pobjeda opozicije u Severnoj Makedoniji i na predsedničkim i na parlamentarnim izborima (Convincing Victory of the Opposition in North Macedonia in Both the Presidential and Parliamentary Elections),” НИИ, May 9, 2024, accessed August 5, 2025, <https://tinyurl.com/3xbutwxt>.

Как представляется, долговечность созданной в Северной Македонии политической конструкции будет определяться не столько переговорами о европейской интеграции государства (включая решение «болгарской проблемы»), сколько дальнейшими внутривнутриполитическими процессами в субрегионе – в первую очередь в Сербии, Венгрии (как важном экономическом партнере и инвесторе) и т.н. Республике Косово.

Необходимо отметить, что поступательное партийно-политическое развитие Косово вновь находится под угрозой. Центральной проблемой для его становления как самостоятельного государства является не столько отсутствие признания со стороны Сербии и ряда членов ЕС, сколько внутренняя демографическая динамика. По данным Статистического агентства Косово, в 2024 г. население составляло 1 млн 585 тыс. 566 чел. (из них в возрасте 20 лет и старше – 1 млн 114 тыс. 949 чел.)¹. При этом ЦИК Косово указывает, что избирательное право в республике имеют 2 млн 75 тыс. 868 чел.² Это недвусмысленно свидетельствует о том, что более 40 % избирателей являются представителями диаспоры, в массе своей голосующими по почте. Таким образом, т.н. Республика Косово представляет собой относительно новый феномен в политической жизни европейских стран, когда внешний и внутренний курс государства определяется не столько непосредственными жителями, сколько покинувшими его гражданами³.

Можно с уверенностью говорить о том, что Косово завершило первый этап своего политико-институционального строительства, связанный с периодом нахождения у власти «звезд» Освободительной Армии Косова (ОАК), т.н. героев войны – Р. Харадиная, Х. Тачи, К. Весели и т.д. Он закончился с приходом к власти карьерного «баррикадного» политика А. Курти, поднявшего волну албанского национализма в его радикальной политической форме. Сегодня «радикальная миссия» по построению независимого Косово выполнена и А. Курти стоит перед личным политическим выбором: снизить градус радикализма, став удобным, предсказуемым партнером для США и ЕС, либо смириться с постепенным уходом из числа основных игроков, сохранив амплуа «подрывного инструмента» косовской внутривнутриполитической сцены.

Несмотря на внушительные достижения в рамках политической повестки, вторая важнейшая часть его предвыборной программы – борьба с коррупцией и социально-экономическая модернизация – фактически провалилась. Не всем албанцам, даже принадлежащим к «Самоопределению», импонирует его позиция, заключающаяся в том, что необходимо вытеснить сербов из Косово. В таком сценарии не заинтересованы США и ЕС, поскольку он означал бы провал их миротворческих усилий. Одним из показателей нарастающих кризисных тенденций в партии «Самоопределение» стал выход из нее Х. Абазы и его присоединение к Альянсу за будущее Косово Р. Харадиная, прямого оппонента А. Курти.

1 "Rezultatet e para Përfundimtare të Regjistrimit të Popullsisë (ReKos2024) (The First Final Results of the Population Census (ReKos2024))," ASK, December 19, 2024, accessed September 7, 2025, <https://askapi.rks-gov.net/Custom/31bc24d2-45e4-4eb5-a567-405f4bdd197f.pdf>.

2 "CIK overio listu glasača za izbore 9. februara (The CEC Verified the Voter List for the February 9 Elections)," Kosovo Online, December 9, 2025, accessed January 12, 2025, <https://www.kosovo-online.com/vesti/izbori/cik-overio-listu-glasaca-za-izbore-9-februara-2025-vise-od-275000-registrovanih>.

3 Энтина 2025.

Прошедшие 9 февраля 2025 г. парламентские выборы в самопровозглашенном Косово де-факто вернули ситуацию к той, что была до 2020 г.: в период с 2008 г., как известно, ни одно правительство не проработало полный срок полномочий. Косовскую политику постоянно сотрясали внутривнутриполитические скандалы и внеочередные выборы. К этому идет дело и сейчас. Последнее десятилетие Косово при поддержке ЕС как основного посредника на переговорах стремилось максимально интегрировать сербское население края на условиях, выгодных Приштине, а не Белграду, для чего за период нахождения А. Курти у власти были созданы все предпосылки. Задача состоит в том, чтобы на волне якобы неуправляемого албанского радикализма вынудить сербов согласиться с форматом их политического представительства, схожим с существующим в Хорватии (признанное нацменьшинство, гарантированные Конституцией права культурной автономии и политического представительства); одновременно с этим стимулировать рост влияния центристских партий за счет постепенного вытеснения де-факто выполнившего свою миссию «Самоопределения». Об этом свидетельствует тот факт, что, имея значительное влияние на все политические элиты Косово, ни одно из государств Запада не способствовало формированию правительства после февральских выборов. На момент написания настоящей статьи срок формирования правительства истек. С высокой вероятностью будет принято решение о проведении новых внеочередных выборов в начале 2026 года¹. Сценарий создания коалиции широкого центра в Косово, к которому теперь, похоже, стремятся США и ЕС, способствовал бы также определенной гомогенизации общеалбанского политического пространства в Косово, Албании, Северной Македонии и Черногории.

Видимо, поэтому и ЕС, и США в наименьшей степени беспокоит отсутствие динамики в самой **Албании**. Положение в Албании и сегодня наиболее точно характеризует оценка, данная А. Улуныяном о ситуации 12-летней давности: «складывавшаяся на протяжении 1990-х гг. двухпартийная система в виде правоцентристской ДПА (Демократической партии Албании – прим. автора) и левоцентристской СПА (Социалистической партии Албании – прим. автора) могла бы стать основой для стабильного внутривнутриполитического развития страны, если бы этому не препятствовали многочисленные изъяны в самом механизме формирования двух основных партий, а также коррупционные схемы взаимодействия их аппаратов и многих влиятельных членов (включая руководителей) с финансово-экономическими группами и отдельными бизнесменами»².

Для партийно-политической системы Албании по-прежнему характерно следующее: социалисты и демократы сменяют друг друга. Малые партии, которые формируются за пределами их влияния, обладают коалиционным потенциалом. Тем не менее обе ведущие политические силы, вне зависимости от того, кто из них одержал победу на выборах, стремятся вытеснить своих союзников по коалиции из сферы принятия политических решений. Таким образом, складывается ситуация, при которой малые партии из-за отсутствия властного ресурса не

1 Dušica Radeka Đorđević, "Istekao rok za formiranje Skupštine: U čijem dvorištu je lopta? (Deadline for Forming the Assembly Has Passed: Whose Court Is the Ball In?)" Kosovo Online, July 27, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/4v6tmf5p>.

2 Улуныян 2023.

могут конвертировать свои успехи на выборах в реальные политические решения и, соответственно, не обладают потенциалом для наращивания электората.

Одновременно с этим Албания, как и соседние Черногория и самопровозглашенное Косово, все в большей степени становится «страной диаспоры». Нисходящий демографический тренд и постоянный отток граждан из страны превращают диаспору в важный фактор политических процессов. Так, на парламентских выборах 2025 г. впервые можно было голосовать по почте. Данным правом воспользовались около 245 тыс. человек, при общей численности избирателей в самой Албании в чуть более 3,7 млн чел.¹ Вместе с тем, как показывает пример Молдавии, ресурс диаспоры (здесь в первую очередь для политических элит Албании речь идет о диаспоре на Западе) может быть крайне эффективным в краткосрочном периоде. Впрочем, по мере неизбежной ассимиляции диаспоры его значимость падает. Представляется, что Албания буквально повторяет пример Молдавии, однако с небольшим (около 5–7 лет) опозданием.

Наконец, особый случай представляет внутривосточная ситуация в **Боснии и Герцеговине**, а особенно в ее сербском энтитете. Следующие всеобщие выборы состоятся в стране в 2026 году. Однако уже сейчас, исходя из решений, принятых аппаратом высокого представителя в БиГ², понятно, что речь пойдет о максимизации усилий для смены политических элит в Республике Сербской. Поправки в избирательный закон от марта 2024 г.³ дают право ЦИК Боснии и Герцеговины отозвать мандат избранного лица до истечения срока полномочий со дня вступления в силу приговора суда, налагающего меру пресечения и запрещающего исполнение служебных обязанностей. Довольно очевидно, что эти поправки были приняты для ослабления позиций президента М. Додика, а также получения инструмента давления на любого другого политического лидера, который придет ему на смену. Целесообразность такого инструмента в глазах не утвержденного Советом Безопасности ООН высокого представителя К. Шмидта очевидна: большинство решений последнего вызывают осуждение не только в Союзе независимых социал-демократов М. Додика, но и среди его оппонентов, поскольку воспринимаются как последовательные попытки понизить статус самой Республики.

В другом энтитете – Федерации Боснии и Герцеговины – общая ситуация неизменна. После прекращения существования националистического крыла Хорватского демократического содружества (ХДС; Ф. Туджман и Г. Шушак) истеблишмент Хорватии перестал быть надежной опорой хорватских элит в БиГ. На этом фоне к середине 2000-х гг. в одноименной партии в Боснии и Герцеговине произошел раскол на условно радикальное крыло и тех, кто стремится к диалогу с ЕС. Д. Чович, возглавлявший организацию в 2006 г. и поддерживавший проведение внутренней реформы, постепенно вернулся к более националистическим

1 "Albania: Amendments to Electoral Code Extend Voting Rights to Diaspora," Library of Congress, June 11, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/5yvc6mk4>.

2 Согласно официальной позиции МИД России, К. Шмидт, назначенный на должность высокого представителя в Боснии и Герцеговине без соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, не обладает легитимностью.

3 "Odluka kojom se donosi Zakon o izmjenama i dopunama Izbornog zakona Bosne i Hercegovine (Decision Enacting the Law on Amendments and Supplements to the Election Law of Bosnia and Herzegovina)," Office of the High Representative, March 26, 2024, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/5fc4yjx4>.

и консервативным позициям, поскольку именно они продолжают находить поддержку в среде электората боснийских хорватов. ХДС Боснии и Герцеговины приходится лавировать: с одной стороны, не имея безусловной поддержки Хорватии, нужно удерживать более радикальный, чем в этом государстве, электорат, а с другой – постоянно вести диалог с ЕС, альтернатив которому представители партии не видят.

На фоне проблем Республики Сербской с государствами Запада и внутренних сложностей у хорватов пытаются усилить свои позиции боснийские мусульмане. По сути, они – единственные, кто выступает за реформы, направленные на централизацию и унитаризацию БиГ. Однако сложность их положения заключается в том, что, имея формальное большинство по численности населения, они не имеют постоянного «патрона», в отличие от хорватов или сербов в Боснии. США, ЕС, Британия, Турция – все они преследуют собственные интересы, и положение мусульман в Боснии и Герцеговине по понятным причинам не является для них столь же чувствительной темой, как сербов и хорватов – для Сербии и Хорватии. В этой связи, вероятнее всего, электоральные процессы в БиГ будут развиваться в общерегиональном ключе: со стороны ЕС продолжатся попытки сменить политические элиты на технократические с той лишь разницей, что в течение 2026 г. правящие круги западных государств постараются вытеснить сторонников М. Додика с политической арены под лозунгами очистки партийно-политического поля от политиков и партий «войны», а в отношении хорватов и бошняков будет применяться ситуативная тактика.

* * *

Как в итоге можно характеризовать политическое пространство сегодняшних Балкан? Возвращаясь к названию, можно констатировать, что ни одна из заложенных в него распространенных в академических кругах оценок – балканизация, американизация или европеизация – не является самодостаточной. Не объясняет политические процессы и их комбинация.

Политические элиты в государствах Юго-Восточной Европы по-прежнему ориентированы на вступление в ЕС. Однако из статуса «учеников» по направлению «институциональное и правовое строительство» они хотели бы переместиться в положение младших или равных партнеров в больших экономических проектах. Именно такой подход дает возможность технократическим управленческим командам наиболее полно реализовать себя во власти. Косвенно в среднесрочной перспективе он способствует гомогенизации общественного мнения во всех странах относительно безальтернативности сближения с Европой.

Вероятно, технократизм и рационализм политических элит стали главной причиной того, почему во всем регионе (за исключением управленческой команды в Косово) был позитивно воспринят приход в Белый дом Д. Трампа, склонного к ведению переговоров на основе т.н. сделок. Характерная для всех политических элит американизация проявляется прежде всего в авторитете США в решении всех конфликтных вопросов, а также в том, что немалая часть представителей власти так или иначе прошла через систему западного образования. Однако это не исключительная черта балканских политических элит.

Для реализации обновленной стратегической повестки, не отменяющей и не оспаривающей при этом их европейского пути, политические элиты готовы вступать в различные ситуативные союзы внутри региона и по его периметру, что прежде не было характерно для политического руководства государств, которые стремились в европейскую орбиту. Яркий пример тому – сближение в форматах Сербия – Македония – албанцы и Сербия – Венгрия – Македония – Республика Сербская – Словакия. Помимо этого, правящие круги балканских государств готовы до некоторой степени координировать свои действия и стратегии экономического развития с западными акторами.

Вместе тем, как и любое другое политическое пространство, балканское не существует без чаяний и ожиданий его обществ. Во всех странах социум остается предельно консервативным. В ряде стран – например, Черногории и Боснии и Герцеговине – для него характерна апатия. Во всех государствах Юго-Восточной Европы усиливается демографический отток и растет значимость фактора диспаритета. В Сербии общество находится в состоянии гражданского подъема, спровоцированного нерешенностью проблем, оставшихся после распада СФРЮ, а также увеличивающимся непониманием внешнеполитических действий власти. Однако пока сложно спрогнозировать, что станет итогом данного подъема. В Боснии и Герцеговине проявляются все указанные выше элементы в условиях дисфункциональности единого государства и отсутствия консенсуса относительно будущего страны среди политических элит. В этом смысле можно говорить о постепенной «балканизации» обществ, но не политических элит.

Представляется, что, как и в случае с остальной Европой, Балканы переживают процесс отмирания классических представлений как о партийных системах, так и о взаимодействии общества и власти в электоральном поле. Поэтому одной из реакций общества является ожидание прихода во власть новых людей, с новой повесткой и новыми установками, пусть и через переходный период технократов. В целях качественного развития и мира, и конкретно региона важно, чтобы они не были монополизированы одним-единственным идейным лагерем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. М.: Наука, 2006. 441 с.

Ella G. Zadorozhnyuk, ed. *Vlast' – Obshchestvo – Reformy: Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Vtoraya Polovina XX Veka*. Moscow: Nauka, 2006 [In Russian].

Давыдов, Д.А. Узкая дихотомия. Будущее за пределами «традиционного» и «модерного» // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 184–202. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-184-202>.

Davydov, Dmitry A. "A Narrow Dichotomy: The Future Beyond Tradition and Modernity." *Russia in Global Affairs* 23, no. 1 (2025): 184–202 [In Russian].

Кандель, П.Е. Партийный пасьянс на юго-востоке Европы // Выборы в Европейский парламент 2024 г.: этап эволюции партийной системы Старого Света / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2024а. С. 111–119.

Kandel, Pavel E. "Partiyni Pas'jans na Yugo-Vostoke Evropy." In *Vybory v Evropeiskii Parlament 2024 g.: Ehtap Ehvolyutsii Partiinoi Sistemy Starogo Sveta*, edited by

Vladimir Ya. Shveitser, 111–119. Moscow: IE RAS, 2024a [In Russian].

Кандель, П.Е. Националистические сюжеты на последних выборах в странах Юго-Восточной Европы // Этничность, миграционные и электоральные процессы в современной Европе / отв. ред. Л.О. Бабынина. М.: Ин-т Европы РАН, 2024b. С. 51–61.

Kandel, Pavel E. "Natsionalisticheskie Syuzhety na Poslednikh Vyborakh v Stranakh Yugo-Vostochnoi Evropy." In *Ethnicity, Migration and Electoral Processes in Contemporary Europe*, edited by Ludmila O. Babynina, 51–61. Moscow: IE RAS, 2024b [In Russian].

Кандель, П.Е. Западные Балканы между «Старой» и «Новой Европой» // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: сб. ст. участников XII междунар. науч. конф. Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях, Москва, 30 ноября 2017 г. / отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 147–153.

Kandel, Pavel E. "Zapadnye Balkany mezhdru 'Staroi' i 'Novoi' Evropoi." In *Rossiya i Tsentral'naya Evropa*

v *Novykh Geopoliticheskikh Real'nostyakh*, edited by Lyubov N. Shishelina, 147–153. Moscow: IE RAS, 2018 [In Russian].

Кандель, П.Е. О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе // «Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе / сост. Бондарева Е.А. М.: Фонд исторической перспективы, 2017. С. 114–121.
Kandel, Pavel E. "O 'Tsvetnykh' i 'Bestsvetnykh' Revolyutsiyakh v Yugo-Vostochnoi Evrope." In *«Ehksport Demokratii» i Setevye Tekhnologii v Sovremennom Sotsial'no-Politicheskom Protseste*, edited by Elena A. Bondareva, 114–121. Moscow: Fond Istoricheskoi Perspektivy, 2017 [In Russian].

Каспя, С.И. Глобальный стасис как партийная система // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 2. С. 97–130. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-2-97-130>.

Kaspe, Svyatoslav I. "Global Stasis as a Party System, or Welcome to World Civil War I." *Russia in Global Affairs* 22, no. 2 (2024): 97–130 [In Russian].

Комта, М. Политические элиты и становление политической системы на примере Европейского союза // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 3(9). С. 24–45. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-24-45](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-24-45).

Cotta, Maurizio. "Political Elites and a Polity in the Making: The Case of EU." *Comparative Politics Russia* 3, no. 3(9) (2012): 24–45 [In Russian].

Орлов, А.А. Кризис двухполюсных партийных систем в странах Западной Европы // Обзоратель. 2022. № 5–6. С. 79–88. http://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_5-6_79.

Orlov, Aleksandr A. "The Crisis of Bipolar Party Systems in Western Europe." *Observer*, no. 5–6 (2022): 79–88 [In Russian].

Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 464 с.

Konstantin V. Nikiforov, ed. *Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy. Konets XX — nachalo XXI v.* Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020 [In Russian].

Руткевич, Н.А. Кто они, где они, за что они и почему // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 182–201. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-182-201>.

Rutkevich, Natalia A. "Who They Are, Where They Are, What They Are For and Why." *Russia in Global Affairs* 22, no. 4 (2024): 182–201 [In Russian].

Семененко, И.С., Прохоренко, И.Л. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 29–40. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-7-29-40>.

Prokhorenko, Irina L., and Irina S. Semenenko. "From Elitist Project to Mass Politics: Challenges of Politicization to European Integration." *MEMO Journal*, no. 7 (2015): 29–40 [In Russian].

Смирнов, В.А., Сутырин, В.В. Эволюция подходов к изучению политических элит в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: случай Литвы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 2. С. 115–137.

Smirnov, Vadim A., and Vyacheslav V. Sutyryn. "The Evolution of Approaches Towards Elite Research in Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe: A Case Study of Lithuania." *Political Expertise POLITEX* 7, no. 2 (2011): 115–137 [In Russian].

Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 400 с.

Konstantin V. Nikiforov, ed. *Transformatsionnye revolyutsii v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy. K 30-letiyu sobytiy. 1989–2019*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021 [In Russian].

Улуныя, А.А. Парламентские выборы в Албании: в поисках новой альтернативы (2013–2021) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2(118). С. 191–216. <http://doi.org/10.31249/ape/2023.02.09>.

Ulunyan, Artyom A. "Parliamentary Elections in Albania: In Search of a New Alternative (2013–2021)." *Current Problems of Europe*, no. 2(118) (2023): 191–216 [In Russian].

Энтина, Е.Г. Парламентские выборы в Косово 9 февраля 2025 года в контексте развития отношений между Белградом и Приштиной // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. Вып. 1, № 2(370). С. 10–16. <http://doi.org/10.15211/analyt1220251016>.

Entina, Ekaterina G. "Parliamentary Election in Kosovo on February 9, 2025 in the Context of Relations Between Belgrade and Pristina." *Analytical Paper of IE RAS* 1, no. 2(370) (2025): 10–16 [In Russian].

Энтина, Е., Бондарев, Н., Пророкович, Д., Лобанов, М., Наджаров, А., Пивоваренко, А., Иветич, С., Энтин, М., Павловски, Н., Степанов, Н., Артемьев, С., Быкова, Е., Благодатских, Т., Матюшкин, С., Медведева, А., Алексеева, М. Долгое эхо 1999 / под общ. Ред. Е. Энтиной. М.: Зебра Е, 2024. 242 с.

Entina, Ekaterina, Nikita Bondarev, Dušan Proroković, Mikhail Lobanov, Alexander Najarov, Alexander Pivovarenko, Stefania Ivetić, Mark Entin, Nikolai Pavlovsky, Nemanja Stepanov, Sergei Artemov, Elizaveta Bykova, Tamara Blagodatskikh, Sergei Matiushkin, Anna Medvedeva, and Maria Alekseeva. *Lasting Echo 1999*, edited by E. Entina. Moscow: Zebra E, 2024 [In Russian].

Bechev, Dimitar, and Svetozlar Andreev. "Social Capital and the EU Institution-Building Strategies for the Western Balkans." *Integrating the Balkans in the EU (IBEU) Project*. Unpublished working paper. May 2004.

Bieber, Florian, and Irena Ristić. "Constrained Democracy: The Consolidation of Democracy in Yugoslav Successor States." *Southeastern Europe* 36, no. 3 (2012): 373–397.

Electoral Systems in the Western Balkans: More Democracy, More Accountability? Research paper, edited by Dejan Bursać. Beograd: Centar za društveni dijalog i regionalne inicijative, 2021 (Novi Sad: Futura). 48 p.

Glaudić, Josip. *Vrijeme Evrope: Zapadne sile i raspad Jugoslavije*. Zagreb: Mate, 2011. 435 str.

Glaudić, Josip. *The Time of Europe: The Western Powers and the Breakup of Yugoslavia*. Zagreb: Mate, 2011 [In Croatian].

Laštro, Claudia, and Florian Bieber. "Democratic Patterns and Party Systems in the Western Balkans." *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft* 17 (2023): 59–75. <https://doi.org/10.1007/s12286-023-00564-w>.

Mainwaring, Scott, and Edurne Zoco. "Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies." *Party Politics* 13, no. 2 (2007): 155–178.

Featherstone, Kevin, and Claudio M. Radaelli, eds. *The Politics of Europeanization*. London: Oxford University Press, 2003. 351 p.

Сведения об авторе

Екатерина Геннадьевна Энтина,

д.полит.н., профессор, директор Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ

115184, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований

Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3В

e-mail: e.entina@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 сентября 2025.

Переработана: 1 декабря 2025.

Принята к публикации: 5 декабря 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Энтина, Е.Г. Балканизация, американизация или европеизация:

что происходит с политическими элитами и электоральными процессами
в странах Юго-Восточной Европы? // Международная аналитика. 2025. Том 16 (4). С. 58–76.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-58-76>

Balkanization, Americanization, or Europeanization: What is Going on with the Political Elites and Electoral Processes in the Countries of Southeast Europe?

ABSTRACT

The political development of the countries of South Eastern Europe after the collapse of the bipolar system of international relations is most often considered in academic literature as a derivative of the processes in the western part of the continent. After the launch of the European integration project in the Balkans, the relevance of this approach became even more obvious. However, this approach minimizes the impact of internal factors, including socio-political and value-based ones, as well as the role played by the rapidly changing international economic, political and legal environment. This article examines the internal political processes in the Balkans through the prism of the systemic consequences of the collapse of the socialist world, which still have an important impact on the development of the region. In addition, the study assesses how common EU factors are reflected in the Balkan environment. The research concludes that despite the obvious commonality and interconnectedness of European political processes in all subregions, the traditional explanations for the Balkans through the phenomena of Balkanization, Americanization and Europeanization are not exhaustive. However, it is in the Balkans that the public's demand of new types of leaders and parties is most evident, due to growing disillusionment and, in some republics, a credibility gap between the government and society.

KEYWORDS

party and political systems, electoral cycles, elections, Balkanization, Europeanization, political elites

Author

Ekaterina G. Entina,

PhD (Polit. Sci.), Director, Mediterranean Studies Centre, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 115184

Head, Department of Black and Mediterranean Sea studies, Russian Academy of Sciences

11-3V, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

e-mail: e.entina@hse.ru

Additional information

Received: September 20, 2025. Revised: December 1, 2025. Accepted: December 5, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Entina, Ekaterina G. "Balkanization, Americanization, or Europeanization: What is Going on with the Political Elites and Electoral Processes in the Countries of Southeast Europe?" *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 58–76.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-58-76>.